

Костанайский государственный педагогический институт, г. Костанай

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Қазақстан тәуелсіздікке қол жеткізгеніне 20 жыл уақыт болады. Осы арада Отанымыздың тарихи ғылымы мен тарихи білім беру саласы дербес дамып келе жатыр. Мақаланың авторы қазіргі кездегі тарихи ғылымның жағдайын батыл түрде талдауға салған.

Twenty years has passed from the moment of declaration of the sovereignty of Kazakhstan, all this time the historical science and historical formation had an opportunity independent development. It enough big term for formation of own schools of thought and concepts, therefore the author safely subjects to the analysis modern conditions of a historical science.

Первое десятилетие развития исторической науки независимого Казахстана прошли под влиянием двух основных тенденций – эйфории раскрытия «белых пятен» истории, связанных в основном с различными эпизодами советского периода, с одной стороны, и господством классической сциентистской парадигмы научного мышления в форме исторического материализма. Вместе с тем, именно в этот период были сформулированы общие проблемы пересмотра методологических основ исторических исследований в Казахстане. Еще в 2000 году академик М.К. Козыбаев отмечал, что казахстанским историкам

«необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях» [1].

Необходимо отметить, что постсоветская историческая наука длительное время не обращала внимания на необходимость разработки методологических основ изучения исторического процесса. Подавляющее большинство существующих обобщающих работы по истории составляются по хронологическому принципу, содержание их построено по

схеме период-событие-факт. В результате у читателя закрепляется случайностно-событийный взгляд на исторические процессы, а в связи с альтернативностью точек зрения на значимые события – сомнение в объективности процесса исторического познания.

В основе казахстанской академической исторической научной школы лежит классический тип научной рациональности, с точки зрения которой историческая действительность предстает как мир, жестко связанный причинно-следственными отношениями, имеющих линейный характер: следствие соизмеримо с причиной; настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Случайность рассматривается как непознанная необходимость. Единичное усилие не может иметь видимого влияния на ход истории. Развитие мыслится как безальтернативное. Для подавляющего большинства казахстанских историков источник является самодостаточной ценностью, теория – не основой исторической науки, а скорее, частью философии и социологии. Междисциплинарные исследования можно пересчитать по пальцам.

Особенно это касается тех периодов истории Казахстана, по которым существует определенный дефицит источников и, как следствие, слабая изученность в предшествующее время. Один из таких периодов – первая треть XIX века, период кризиса и

ликвидации кочевой государственности в форме Казахского ханства, период, безусловно, интересный в контексте изучения генезиса политических и правовых систем номадов. В то же время, большинство работ по данному периоду строится на классической исследовательской парадигме, предусматривающей анализ и интерпретацию источников с последующей реконструкцией исторических событий, объект исследований – политическая история, особенно – взаимоотношения пограничной администрации и казахской элиты, дипломатические и торговые отношения, социально-экономические процессы в самом казахском обществе.

Неклассические подходы в изучении истории данного периода пока не стали основой исследовательских проектов, постнеклассические, междисциплинарные исследования также крайне редки. Вместе с тем, применение традиционных для мировой исторической мысли, но пока не освоенных казахстанскими историками подходы и парадигмы позволяют расширить наши представления о развитии казахстанского общества в период кризиса и ликвидации кочевой государственности. Возьмем на себя смелость предложить несколько, на наш взгляд, перспективных направлений для теоретико-методологического эксперимента в исследовании интересующего нас периода.

Во-первых, изучение общественной жизни казахского общества в контексте интеллектуальной истории. Само выражение «интеллектуальная история» означает как историю интеллектуалов, то есть историю людей, которые создавали, обсуждали и пропагандировали различные идеи. В отличие от чистой истории философии (соответственно: науки, литературы и т.д.) и от истории идей, с которыми она тесно связана, интеллектуальная история изучает идеи через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей [2]. Особый интерес вызывает как история представителей традиционной интеллектуальной школы – жырау, так и формирование новых, в частности, связанных с мусульманскими центрами в Бухаре и Уфе. Если первую группу интеллектуалов изучали только в контексте их творческого наследия, то изучение второй группы – Бекет-ата, Марал-ишани др. только начинается. Роль ислама в целом, в том числе и отдельных суфийских школ и течений в общественно-политической жизни казахского общества до сих пор в исторической науке Казахстана изучены слабо. Вместе с тем, процесс формирования интеллектуальной элиты казахского общества и особенности ее функционирования оказывали непосредственное влияние на общественно-политические процессы в регионе.

Весьма перспективным направлением исторических исследований нам представляется изучение истории повседневности,

предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события [3].

Действительно, в таком контексте история Казахстана данного периода еще не изучалась. Вместе с тем, анализ того, что окружало человека и опосредовало его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении больных), возможности их удовлетворения (через технику и технологии) – достаточно интересный объект исследования. Если повседневная жизнь казаха-кочевника еще более или менее известна нам благодаря этнографическим исследованиям (вопрос об их корректности в применении к более раннему периоду оставим без внимания), то повседневная жизнь жителя пограничной линии до сих пор не только не изучалась, она вообще не ставилась в качестве объекта изучения.

Не теоретизируя долго об актуальности данного направления, приведем лишь один пример. Военно-разведывательные экспедиции в степь, предпринимавшиеся в 1814-1821 гг. для изучения возможностей разработки рудных богатств Улытау упоминаются разными исследователями. Их изучение происходило до сих пор только в контексте колониальной политики России в регионе и казахско-русских отношений. В то же время, такие важные вопросы, как финансирование данных экспедиций, их снабжение, материально-техническое обеспечение, организация полевой службы, а также бытовые условия офицерского и рядового состава существенно влияли на их взаимоотношения с местным населением и являлись важным фактором исторического процесса.

Перспективным направлением исследований может стать применение для исторического анализа и синтеза постнеклассических исследовательских парадигм, для которых характерно выдвижение на первый план междисциплинарных, комплексных и проблемно ориентированных форм исторических исследований, в основе которых лежат кибернетический и синергетический подходы. Развитие междисциплинарных исследований закономерно ведет к усилению взаимовлияния гуманитарных и естественных наук. Поэтому изменения методологических установок естественнонаучного познания

оказывают на процесс становления постнеклассической гуманитарной науки гораздо большее влияние, чем на процессы становления классической и неклассической гуманитарной науки [4]. Весьма продуктивным может быть применение синергетической парадигмы для изучения истории освободительного движения казахов конца XVIII – начала XIX века.

Изучение истории национально-освободительного движения казахов в контексте традиционных подходов пока ставит больше вопросов, чем дает ответов. Действительно, почему в XVIII веке, в период наибольшего могущества Российской империи, она не могла глубоко внедриться в казахскую степь, а во второй половине XIX века полностью ею овладела, несмотря на неблагоприятную внешнюю и внутреннюю обстановку (предреформенный кризис, поражение в Крымской войне). Почему относительно единый антиколониальный фронт XVIII – начала XIX века позже разваливается? Почему бии и старшины, стоявшие в авангарде антиколониальной борьбы превратились в верных слуг и чиновников царского аппарата? По-видимому, дело здесь не столько в экономических и политических причинах, которые конечно тоже нельзя сбрасывать со счетов, но и во внутреннем состоянии казахского этноса.

В силу внутренней стабильности системы казахи довольно успешно сопротивлялись джунгарским

завоеваниям и российской колониальной политике в XVIII - начале XIX века. Однако уже в первой трети XIX века происходит резкое ослабление казахского государства. Если в начале XIX века карательные отряды сталкивались с организованным сопротивлением казахских родов, то в 30-40-х годах колониальная администрация стала активно применять против антиколониальных сил отряды, набранные среди казахов же. По сути дела движения 40-60-х годов превратились в гражданскую войну между казахами – противниками России и казахами, служившими ей. Местные интересы начинают преобладать над общенациональными, теряется осознание единства и идея государственности.

Анализ периода кризиса кочевой государственности на территории Казахстана во второй половине XVIII – начале XIX века позволяет прийти к выводу, что номадная политическая система исчерпала потенциал развития и исчезла в результате упрощения социального разнообразия в казахском обществе, сокращения оседло-земледельческого компонента, ограничения международной правосубъектности Казахского ханства. В начале XIX века политика России в отношении Казахстана становится более активной, что было вызвано не только усилением влияния Российской империи в регионе, но и ослаблением самой политической системы казахского общества.

Реализация идей синергетики применительно к анализу проблем политической системы позволяет, в числе других проблем, прогнозировать и фиксировать условия, процессы и состояния метастабильности, кризисов и деструктивности в политической системе, находящими свое теоретическое обоснование в концепции цикличности исторического процесса. Все известные нам политические системы Казахстана прошли в процессе своего развития одинаковые фазы или стадии. Другими словами политические процессы имеют циклический характер и подчиняются определенным закономерностям. На ход генезиса политических систем оказывает значительное влияние не только внутренние, но целый комплекс внешних факторов, включая воздействие других политических систем, этногенетические процессы, климат, международную экономику.

Мы далеки от мысли объявить социальную историю, системный подход и основанные на нем методы либо какой-либо иной подход новой генерализирующей концепцией, призванной всесторонне объяснить исторический процесс, тем более, что многие авторы справедливо указывают на опасность как позитивистской редукции при перенесении на развитие общества и культуры установленных синергетикой закономерностей, так и антипозитивистских концепций, отрицающих возможность научного познания не только

прошлого, но и современности. Мы хотим лишь обозначить новые возможности, которые открывает применение современных теоретико-

методологических подходов в исследовании отдельных проблем казахстанской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В двух книгах. Кн. 1. - Алматы: Ғылым, 2000. - С.17

2. Парадигмы интеллектуальной истории: от коллективных представлений к авторским интенциям // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 2 (66).

3. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история. – М., 2003.

4. Дука О.Г. Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примерах российской историографии) / Дисс. на соиск. уч. степени доктора исторических наук. - Екатеринбург, 2001. - С.110-112.